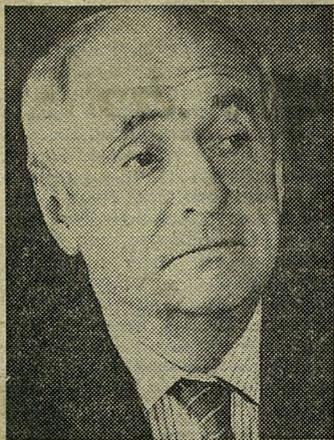

31.12.94

Захаров Марк

Пожалуй, вот так побеседовать, лицом к лицу, два популярных автора «известинских» колонок, не последние в стране люди, встретились впервые. Неровесники. Мощный, напористый, подавляющий энергией лидера в каждой фразе депутат Думы Борис ФЕДОРОВ. Осторожно и иронично вглядывающийся в меняющиеся времена режиссер Марк ЗАХАРОВ. Но развести их по разным углам поединка-беседы не смогла никакая журналистская драматургия. Говорили о разном, не в унисон, но явно интересуясь друг другом и совпадая в оценках. Весь диалог вполне может уложиться в небольшую симпатичную брошюрку. Мы же ограничимся (мало места) отдельными фразами безоговорочного оптимиста Федорова, считающего, что новый год для России начнется 12 декабря 1995 года — с выборов будущего парламента, и выдержками из речи Марка Захарова, полагающего, что врачам в роддомах надо повнимательнее присмотреться к младенцам — время гениев.

ТОСТ ЗА БОГАТУЮ РОДИНУ

Известия - 1994 - 31 дек. - с. 2.
О ДЕНЬГАХ

М.З. Будут ли наши дети и внуки знать, что такое копейка? Мне это слово очень нравится, поскольку оно связано с Георгием Победоносцем, или уже копейка навсегда ушла из нашего лексикона?

Б.Ф. Вот сейчас прошел второе чтение закон о Центральном банке. Я его, кстати, и писал, и там есть статья «1 рубль равен 100 копейкам». Меня спрашивают: «А зачем вы так делаете, этого ж не будет». Я отвечаю: «Извините, это вам не нужна копейка, а когда мы придем к власти, то копейку «сделаем». А вот как скоро вернется копейка, все зависит от нас. Я теперь некоторые заметки в «Известиях» заканчиваю «...осталось 356 дней, ...350...». До 12 декабря 1995 года.

М.З. А я очень рад, что пол-литра водки, так сказать, потеряло значимость денежной единицы. И сейчас за пол-литра водки никто работать не будет. Деньги приобрели свой первоначальный естественный смысл, который ранее отсутствовал.

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ

М.З. Я дилетант в области строительства и промышленного производства, но я не представляю, что в Москве можно так быстро и так много построить. Откуда взялись материалы, откуда люди, которые теперь могут работать четко, быстро. То ли оказали влияние турецкие строители, которые несколько нас укорили своими темпами, своим умением.

Б.Ф. Уверяю, я объездил пятнадцать регионов, от На-

ходки до Ленинградской области и от Вологды до Краснодара, и везде идет интенсивное строительство. В Москве заметней, чем в Петербурге, чем в других городах, и, как мне кажется, связано это с Юрием Михайловичем Лужковым, при всех противоречивых оценках его. Он заставил что-то совершаться. И все-таки мне кажется, когда начнутся по-настоящему реформы, то из окна моего кабинета в Думе будут видны не четыре строительных крана, а двадцать. Тогда Москва и засияет.

О КОММУНИЗМЕ

М.З. Борис Григорьевич, как политик, которому я верю, ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, который меня мучит. Должен быть у нас некий эквивалент Нюрнбергского процесса или нечто как-то пока обойтись без него?

Б.Ф. Россия одно из немногих государств бывшего социал-демократического лагеря, которое от коммунизма не оторвалось по-настоящему. У нас же, в отличие, допустим, от Венгрии, Польши, Чехии и даже Прибалтики и так далее, где пошел, так сказать, обратный процесс, никогда не уходили «те» люди. У нас так получилось, что «харизматический», по вашему выражению, лидер — один из лидеров той же партии, которую разрушал. Но при всех этих пессимистических сегодняшних настроениях у нас-то как раз, как бы это парадоксально ни звучало, в отличие от перестройки, есть шанс уйти от коммунизма 12 декабря 1995 года и закрепить это 12 июня 1996 года.

Хотя бы потому, что мы от него не уходили. Сейчас мы приближаемся к историческому моменту. Если власть перейдет мирно, без роспуска, без отсрочки, от одного законодательного собрания к другому путем выборов. Если затем плавно через полгода власть перейдет от первого президента России ко второму президенту без катаклизмов, демократическим путем, то, мне кажется, шансы обойтись без Нюрнбергского процесса у нас есть. Если мы сумеем объяснить людям, что реформы еще по-настоящему не начинались, что патриотизм мы не отдадим коммунистам и жириновцам, что, по существу, демократия — это законность и порядок, а не преступность, развал, спад производства.

О КУЛЬТУРЕ

Б.Ф. Меня очень расстраивает, что очень мало происходит в последние годы каких-то премьер, которые бы все заметили, что люди пошли в кино или в театр, стояли в очереди. Конечно, они бывают, но уже такого массового ажиотажа не вызывают, как когда-то, скажем, «Юнона» и «Авось». Я помню, как мы в Госбанке тянули жребий, а потом я на балконе весь спектакль простоял, потому что мне с последнего ряда ничего не было видно. Я стоял, и было такое ощущение, что что-то такое происходит. А сегодня... Уже два-три года не слышно, чтобы кто-то посоветовал почитать новый роман нашего автора в каком-нибудь журнале.

М.З. Мы обязательно внесем в программу, что этот спек-

такль был просмотрен Борисом Григорьевичем Федоровым, стоя на балконе. Воспользуясь этим фактом в корыстных целях. Если о книгах. Зато вы можете сейчас купить почти любую книгу. Мне один умный американец объяснил. У нас, сказал, вот такой среднестатистической беллетристики, как у вас, нет. Нет вот этого: «Степан вышел на крыльцо. Светало. И по небу струился утренний туман, и желтые листья желтели в отдалении». Вот у них такого нет. «Или им нужен Фолкнер, Хемингуэй, писатель — законодатель мод и философ, или человек с литературным талантом, который работает по заказу театра, кинематографа, рекламного агентства. А средней беллетристики нет. Я подумал, что в этом есть какая-то закономерность, и поэтому не очень расстроился происходящему у нас.

О ГЕНИЯХ

М.З. Единственное, что я заметил, что в вулканических зонах, там, где происходит какое-то напряжение в общественной жизни, там, где идет бурное развитие или борьба, это, в общем, способствует расцвету культуры.

Б.Ф. То есть, по идее, у нас сейчас должны рождаться гении? Как в двадцатых годах?

М.З. Я думаю, что в родильных домах врачи должны внимательнее смотреть на младенцев. Не исключено, что именно сейчас рождаются гении. Именно сейчас московский Ленком решил исправить демографическую ситуацию в Российской Федерации, и сразу большая группа молодых женщин ушла в декрет, чем привела в большой

ужас дирекцию и художественное руководство. Но, тем не менее, я горжусь этим фактом. Это было политическое решение.

ЗА ЧТО ПЬЕМ

М.З. Мне бы очень хотелось, чтобы наше государство разбогатело. Чтоб оно могло себе позволить сильные социальные программы, которые не подрывали бы крылья предпринимателям, людям, умеющим созидать, творить. И вместе с тем, чтобы я знал, что да, я сейчас силен, в хорошей форме, но я какой-то частью своего дохода должен поделиться с теми, кто не может работать так, как я.

Б.Ф. А я бы поднял тост не только за то, чтобы мы разбогатели, но и за то, чтобы мы осознали, что мы богатая страна. Вопрос в организации. Если мы наведем порядок в своем доме, то выяснится, что мы — очень богаты. Что мы можем давать Международному валютному фонду кредиты. И жить хорошо.

Рустам АРИФДЖАНОВ,
«Известия».

121